

Улыбка на губах Яо Яньцина, казалось, подёрнулась холодом. Он поднялся, сложил руки в поклоне и произнёс:

— Если Дом маркиза Сюаньпина намерен вернуть пятую сестру в свою усадьбу, почему же тогда я не вижу её мужа, переступившего порог нашего дома? Неужели порог семьи Яо настолько низок, что Дом маркиза Сюаньпина позволяет себе такую пренебрежительность по отношению к пятой сестре?

Великая принцесса Фучэн замерла. Она не ожидала такого поворота, или, возможно, в глубине души считала: хотя третья госпожа и её дочь, фамилия у неё Яо, она — дочь торговца, а выходя замуж за Дом маркиза Сюаньпина, она словно совершила выгодный брак. Именно поэтому она считала, что выданной замуж дочери не следует долго жить в доме братьев. Если бы речь шла о шестой госпоже Ян Хуэй, и её свекровь осмелилась бы сказать такое в её присутствии, она бы пришла в ярость и показала бы ей, где раки зимуют.

Яо Яньцин был глубоко разочарован в своей матери. Это была его родная мать, но если бы она хоть немного заботилась о пятой сестре, разве не знала бы она, как та живёт в Доме маркиза Сюаньпина? И разве позволила бы людям маркиза так пренебрежительно относиться к ней?

Восьмого числа второго месяца наконец начались столичные экзамены. У стен Экзаменационного двора собрались учёные со всех краёв. Юные шэньюани, подобные Яо Яньцину, составляли меньшинство. Он стоял вместе со своими соучениками Чжан Гуанчжэном и Чэнь Ляном, и их меховые плащи развевались на ветру.

«Десять лет кропотливого труда в неизвестности, и один успех сделает тебя известным всему Поднебесной» — такова была мечта многих книжников. Даже Яо Яньцин, уже прошедший сквозь строй тысяч соперников, не мог не почувствовать лёгкое волнение, когда раздался удар меди, и ворота Экзаменационного двора распахнулись.

Заметив, что Яо Яньцин немного встревожен, Чжан Гуанчжэн улыбнулся и сказал:

— Пятый господин всегда славился быстротой мысли. Учитель не раз хвалил тебя за спокойствие и уверенность. Зачем же теперь волноваться?

Яо Яньцин слегка скривился, усмехнулся:

— Старший брат, не смейся надо мной. Я просто хочу заранее пожелать тебе успеха и попадания в золотой список.

Чжан Гуанчжэн покачал головой, улыбнулся и хлопнул Яо Яньцина по плечу:

— Пятый господин, ты, кажется, всё перепутал.

Хотя он и писал хорошие сочинения, он знал свои слабые стороны. Если бы главным экзаменатором не был Великий наставник Сюй, у него были бы шансы на высокое место. К сожалению, время было против него: Великий наставник Сюй не любил его слишком сдержанный стиль. Когда-то Сюй говорил людям, что если в молодом человеке нет остроты, значит, он напрасно тратит свои лучшие годы.

После обыска у солдат учёные один за другим вошли в Экзаменационный двор. Яо Яньцин, одетый в лёгкое платье, дрожал от холода. Только когда обыск закончился, солдаты вернули ему меховой плащ, подкладку которого они распоролы при проверке.

Яо Яньцин, свернув плащ, вошёл во двор. Взглянув на башню Минъюань, он увидел, что десятки надзирателей смотрят снизу вверх, словно острые мечи. Он слегка усмехнулся и вошёл в свою камеру. Камера была из кирпича и глины, вместо двери — деревянная решётка. По обе стороны стояли два стража с мечами, с суровыми лицами, похожие на посланников смерти. Яо Яньцин хмыкнул, не спеша расстелил меховой плащ на полу, затем достал из корзины свечу, тушечницу и кисть. Когда в час «сы» ударил гонг, стражники снаружи медленно задвинули решётку и заперли её на замок.

Яо Яньцин получил задания, чистую бумагу и черновики. Сначала он внимательно прочитал темы. Одна из тем была тот самый вопрос, который он решал в доме Великого наставника Сюй. Когда Сюй тогда задал его, Яо Яньцин понял, что кое-что изменилось. К счастью, он не надеялся на авось и в последнее время не ленился. Иначе не то что попасть в золотой список, он бы вряд ли оказался даже в первых рядах.

Всё решалось в этот раз. Девять дней для Яо Яньцина не казались долгими. В Академии Собрания Мудрецов он три года учился, не жалея сил, ради этого дня, чтобы вознестись к облакам и подняться на девятое небо.

Спустя девять дней Яо Яньцин вышел из Экзаменационного двора. Яо Сылан лично ждал его у ворот. Едва Яо Яньцин показался, брат побледнел, поспешил к нему, чтобы поддержать, и даже не успел поприветствовать таких же бледных Чжан Гуанчжэна и Чэнь Ляна, сразу усадив Яо Яньцина в карету.

Яо Яньцин рухнул в карету, его дух был угасшим, взгляд — остекленевшим. Яо Сылан, увидев его цвет лица, догадался о причине и поспешил утешить:

— Ты ещё молод, если не пройдёшь в этот раз, будет следующий. Не стоит падать духом из-за такой мелочи.

Яо Яньцин опешил, потом рассмеялся, потирая виски, слабым голосом произнёс:

— Я просто устал. О чём ты думаешь, четвёртый брат?

— Это всего лишь экзамен. Когда ты сдавал провинциальные экзамены, ты не выглядел так. Неужели кто-то в Экзаменационном дворе тебя обидел? — нахмурился Яо Сылан.

В его понимании это было всего лишь написание нескольких эссе. Его пятый брат всегда был талантлив, как мог он так истощиться, просто написав несколько текстов?

Яо Яньцин покачал головой, улыбнулся:

— Я ещё в хорошем состоянии. Ты не знаешь, сколько людей не выдержали этих девяти дней и падали в обморок прямо в камерах, их выносили носилками.

Яо Сылан ахнул, не думая, что написание текстов может довести до такого. Он не знал обстановки внутри камеры: ежедневная холодная еда и необходимость справлять нужду там же были невыносимы. Яо Яньцин чувствовал, что от него несёт зловонием, и удивлялся, как его брат может сидеть рядом.

Вернувшись в Приречный переулок, третья госпожа уже ждала их в зале. Увидев, что его личико за несколько дней заострилось, она не смогла сдержать слёз, сердце разрывалось от жалости, она велела служанке принести горячую еду, чтобы он сначала поел.

Яо Яньцин, не вынося собственного запаха, сначала отправился в баню. Не дождавшись высыхания волос, он вышел искать еду. Обычно он ел изысканно, но на этот раз проявил спешку.

— Ешь медленнее, никто у тебя не отбирает, — улыбаясь, сказала третья госпожа и налила ему чашу питательного супа.

Яо Яньцин съел две чаши риса, и почти все блюда на столе были съедены. В конце он медленно поднял чашу супа, слегка подул и начал пить.

Третья госпожа чувствовала, что брат похудел до неузнаваемости. Когда он допил, она налила ещё и тихо сказала:

— Пей побольше. Сегодня с утра велела на кухне сварить, это лучше всего восстанавливает силы.

Яо Яньцин допил до дна, а потом третья госпожа отправила его отдыхать. В её глазах брат был выдающимся, он обязательно сдаст, через пять дней при опубликовании списка многие придут поздравлять, поэтому в эти дни нужно хорошо восстановиться.

На столичных экзаменах участвовало несколько тысяч учёных. Два главных экзаменатора и три их заместителя, а также пятнадцать ассистентов за пять дней должны были прочитать тысячи работ. Силы были ограничены, поэтому работы с неразборчивым почерком откладывали в сторону, даже не глядя. Если почерк был аккуратным, они смотрели внимательнее. Великий наставник Сюй держал в руках одну работу и, увидев почерк, не смог удержаться от улыбки.

Главный экзаменатор, министр кадров Ван Тун, заметив это, подошёл, бросил быстрый взгляд и тоже не смог сдержать одобрительной улыбки.

Заместитель экзаменатора, заместитель министра ритуалов Тан Цзинтянь, видя улыбки главных экзаменаторов, отложил свою работу, подошёл и сказал:

— Господа, нашли ли вы драгоценное сочинение?

Великий наставник Сюй, узнав почерк Яо Яньцина и боясь, что его обвинят в пристрастности, лишь слегка улыбнулся, поглаживая бороду. Министр Ван Тун же с улыбкой сказал:

— Это сочинение величественно и изящно, напоминает стиль учёного Шэня. Мне кажется, этот автор молод, но в его тексте больше остроты и напора, чем у Шэня в молодости.

Заместитель министра Тан Цзинтянь, заинтересовавшись, взял работу, внимательно изучил и не мог не восхититься:

— Достоинно первого места.

Министр Палаты по делам вассальных территорий Ян Пуи улыбнулся:

— У меня тоже есть работа, которую стоит показать господам.

Все подошли, посмотрели и тоже выразили одобрение. Не ожидали, что в этом году будет столько талантов. Это великое счастье для Цзинь-Тан.

Великий наставник Сюй, имея слабость к таланту Яо Яньцина и считая, что его работа ему по

душе, с предвзятостью заметил:

— Немного слишком зрело.

Министр Ян Пуи улыбнулся:

— А я считаю, что та другая работа слишком остра, ей не хватает глубокомыслия.

Министр Ван Тун, всегда дипломатичный, не хотел обидеть ни Сюй, ни Ян, и сказал:

— Трудно выбрать первого, лучше предоставить решать Его Величеству.

<http://bllate.org/book/16709/1535704>